

АННА ЦОЙ

ДЕНЬ,

КОГДА МЫ
ВСТРЕТИЛИСЬ
ВНОВЬ

Анна Цой
День, когда мы
встретились вновь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68984667

SelfPub; 2023

Аннотация

Дворцовые перевороты, сменяющие друг друга династии и борьба за власть сопровождали меня всю жизнь. Жаль только, что все это выбирала не я. Я всегда старалась поступать правильно. Моей целью было: спасти невинных детей тогда, когда выхода казалось бы нет. Так я поступила и в этот раз, позволив десятилетнему принцу прожить долгую и счастливую жизнь. Но он оставил на моей руке метку, в сердце холод, а в голове непонимание. Потому что... через несколько лет он вернулся, чтобы занять место, предназначенное ему судьбой.

Анна Цой

День, когда мы встретились вновь

На меня смотрели темные карие глаза восьмилетнего мальчика. Жесткие темные волосы топорщились в разные стороны, а на совсем не по-детски угрюмом лице держалось суровое обещание. Даже не смотря на то, что в голове его лицо запечатлелось до единой детали, я видела перед собой только раскосые, необычайно пристальные глаза. Они принадлежали восьмилетнему принцу, осознающему что там внизу – в тронном зале умирает вся его семья, а по ступеням парадного входа поднимается будущий убийца его самого.

Был ли у меня выбор тогда? Определенно был, или я не Леди Диасция Аюга из великого рода магов-скитальцев. «Блуждающих огоньков», как всегда называл нас отец. Забавно, что наша гибель наступила именно тогда, когда эти скитания, наконец, завершились.

Из коридора послышался гулкий шум шагов, лязг оружия и крики.

Решать было поздно – я уверенно взмахнула рукой, запечатав хлипкую деревянную дверь, ручка которой сперва прокрутилась по часовой стрелке, а затем резко начала поворачи-

чиваться из стороны в сторону.

– Лея, – прошептала я, зная, что меня скорее всего услышат, – ты проводишь его до сира Реджинальда.

Я схватила со стола лист для рисования и цветной карандаш. Пара слов и подпись, при раскрытии которых меня ждет казнь как врага короны. Печатки у меня с собой не было, Впрочем, как и смысла в ней – я при любом исходе окажусь в земле. Так есть ли смысл выбирать путь, что приведет меня в нее? Мои последние мысли блуждали только вокруг хмурого, но по какой-то причине совершенно спокойного мальчика. Его жизнь дороже той, что дарована мне.

– Я не пойду! – закричал он, вырвав свою руку у старой нянюшки.

Я присела на корточки, провела рукой по теплой щеке и улыбнулась ему, как делала это всегда.

– Ты пойдешь, Ян, – это был первый раз, когда я назвала его по имени, – и проживешь долгую жизнь... подальше от этого места.

Мальчик оглядел меня без тени эмоций и прикоснулся к моей щеке ладошкой.

– Лея, передай это письмо сиру и езжай с ними – тебе здесь тоже не место, – я поднялась на ноги и быстро прошла к стене, по пути отодвигая детские стульчики, стол и небольшую коробку с кубиками.

Легкое прикосновение к седьмому, восемнадцатому, третьему и вновь седьмому, теперь уже с магической печатью,

камням. Детские любопытство всегда несет в себе пользу, к счастью я была любимым ребенком двух магов-исследователь, потому подобное было у меня в крови.

Многотонная плита отъехала беззвучно, выдавая мое частое пользование ею. Очевидно, моя роль в этой истории была именно такой – спасти наследника правящего рода во время дворцового переворота. Ценой своей жизни.

В лицо пахло сухим затхлым воздухом и дымом – в одной из связанных сетью тоннелей комнат что-то горело. В моих мыслях мелькнул опасливый огонек паники, однако я смогла потушить его – если не так, то выбраться они не смогут вовсе.

– Вас казнят, Леди Диасция, – удручающе заверила меня нянюшка.

Я усмехнулась над ее непосредственностью.

Виселица, костер и пытки меня не пугали – в момент нападения мои родители находились на том же балу в тронном зале. Наверняка главного дворцового алхимика и мага не удостоили пощады, не забыв и о его крайней приверженности короне. Уже бывшей короне, если судить по крикам и непрерывно дергающейся ручке двери, из-за которой то и дело доносилась ругань Эдельвейса – главного заговорщика и задиры.

– Вы можете пойти с нами, – с надеждой на меня взглянула самая добрая из всех женщин.

А еще самая наивная и бесхитростная. Возможно именно

поэтому она и останется жить, в то время как все умники и хитрецы падут. Я буду в первых рядах.

– Я не могу бросить детей, – я улыбнулась ей и поспешно подбежала к хмуро глядящему на меня принцу, – можешь писать мне письма. Обещаю, что прочту их все и на каждое отвечу, – предприняла последнюю попытку солгать я.

Я лишь желала хоть немного задержаться в его памяти. Или не могла признаться себе в том, что уже обречена. «Человек всегда останется эгоистом» – говорил мне папа, оправдывая мои поступки перед сердитой мамой. Теперь он не скажет так никогда.

Мальчик посмотрел на меня с очевидной долей горечи и молча прошел до входа в туннель.

– Прощайте, Леди Диасция, – Лея схватила полными морщинистыми руками юбки и направилась за принцем.

Я не смогла сказать ни слова. В горле застрял ком, на лице застыла заученная милая улыбка, а из души прорывался крик. Однако я должна была молчать: в соседней комнате сладко спали десять детей Лордов, к моему счастью защищенных от смерти разумностью захватчиков – никто не станет убивать «заложников», а незаметно вывести всех не под силу даже десятерым сирам Реджинальдам. Выживший принц же останется помехой для воцарения нового короля.

Руки коснулась теплая ладошка. Я вздрогнула. Рядом со мной стоял кареглазый мальчик, очевидно вернувшийся в момент моей затуманенной слабости. Он вновь смотрел на

меня строгим взглядом и крепко сжимал пальцами мою руку.

– Иди, Ян, – я попыталась высвободиться, чтобы проводить его к няне, но лишь зашипела от жгучей боли.

Мой ошеломление вызвало у него еще более серьезный взгляд и спокойные слова:

– Я буду писать тебе. Только не умирай.

Боль в руке прошла в ту же секунду, мальчик отпустил ее, развернулся к такой же растерянной женщине и прошел мимо нее в полумрак. Мне достался кивок Леи, ее быстрые шаркающие шаги заставили очнуться, а тихий стук камня о камень возвестил о том, что они покинули эту комнату. Впереди их ждала длительная скачка и бегство от погони.

Дверь снесло ударной волной, я обернулась и замерла, уставившись на обозленное лицо Эдельвейса – нового короля Оттинкиля.

– Леди Диасция, – на меня посмотрели синие льдистые глаза мужчины, – разбудите и выведите детей в центральный зал. У вас пятнадцать минут.

Я неосознанно кивнула, смотря как за Лордом тянутся красные кровавые следы от дорогих кожаных ботинок. И с ужасом проводила взглядом запёкшуюся полосу, обрамляющую край подола его белоснежного рыцарского плаща.

Возможно, на нём быть кровь и моих родителей, отчаянно бросившихся на защиту бывшего короля, но получивших

только смерть. «Титул всегда несет ответственность и долг, Диа» – папа всегда говорил подобные вещи с улыбкой. Словно пытался донести до меня, что не все так плохо, как кажется.

Все хуже, пап.

– Ваш отец не вступил в бой, если вы думаете об этом, – мужчина сделал короткий шаг ко мне, но резко остановился, – он отдал жизнь под меч со словами о вашей жизни.

Ледяная волна прошла по телу. Я не хотела осознавать это. Во мне бушевала горечь такой силы, что крик не смог бы заглушить и сотой ее доли.

Но я так же стояла прямо, давя уже совсем не милую улыбку вышколенной этикетом Леди – я превратилась в застывшую с обреченностью в глазах куклу, которую непонимающий что творит младенец разорвет на части. Он уже вывернул наружу все, что было внутри. Дело осталось за малым.

– Вы никогда не состояли в религиозной общине, не участвовали в политической жизни королевства и не были замужем, – он усмехнулся, – ковен принял решение оставить вас, еще несколько девушек из родов–предателей и детей младше пяти лет в качестве заложников.

Я прикрыла глаза.

– Пятнадцать минут, Леди Диасция. Время пошло.

После чего он вышел из комнаты. А я выдохнула – мужчина не знал, что малолетний наследник был здесь, иначе обязательно проверил бы количество детей в соседней комнате.

По щекам текли горькие слезы печали от утраты, но кто я была такая, чтобы перечить новой власти, пускай и такой, поступков чьей одобрить я не могла. Не знаю, что именно, наверное, осознание жизни в каждодневном аду в обозримом будущем мотивировали меня быстро, но как всегда с лаской и необычайной бойкостью сперва будить детей, а потом самой помогать одеваться младшеньким – слуги успели разбежаться до начала облавы, а няню я отправила с малолетним принцем.

Вскоре пришел хмурый офицер, имени которого я не знала, но иногда видела в небольшом отряде нового короля. Он поторопил нас на выход и даже помог построить детей парами.

По широкой лестнице мы спускались на фоне неожиданных женских криков, доносившихся из королевского крыла. О том, что там происходило, думать я не желала, как и не давала думать об этом детям – вниз мы шли ровным строем с «солдатской» песенкой наперевес.

В тронном зале было необычайно чисто, все следы жестокости успели убрать до нашего прихода. Странно, но видимо никто не желал напугать детей. Мы остановились напротив уже успевшего отцепить плащ короля, сидящего на троне. Без деталей, выдающих в нем убийцу, он казался намного моложе своих положенных двадцати пяти. Да только в голове у меня не осталось мыслей, кроме бушующей «Я осталась одна».

– Десять детей, – посчитал Эдельвейс, – младший принц обучался отдельно?

Мужчина пристально оглядел меня пронзительным взглядом.

– Да, Ваше Величество, – нагло соврала я.

Он хмыкнул, но задумчиво взгляделся в мои глаза. Не знаю, что он там увидел, но мне казалось, что кроме ненависти к нему я не смогла передать ничего. Проблемой было наличие десяти испуганных сонных воспитанников за моей спиной, которым защита и успокоение были нужны сильнее, чем кому бы то ни было в этом замке.

– Мы поговорим об этом позже, – удивил меня он.

Пытки? Он же сказал, что я остаюсь заложницей!

В зал ввели еще четырех девушек из родов высшей аристократии. Дочерей тех самых приближенных. Я прикрыла глаза, пытаясь справиться с эмоциями – ждать чего-то хорошего в такой ситуации было бы глупо.

За испуганными и жмущимися друг к другу девушками шел, шаркая ногами, первый маг бывшей оппозиции – Лорд Рикерт, неся в руке увесистую печать. Я же догадалась о том, что сейчас будет. Что ж, если «Кровная связь» показалась им выходом из проблемы, при которой умирает вся молодежь древнейших родов, то я согласна жить в мире, где я нахожусь на привязи будущего мужа, но все еще остаюсь жива.

Жестокая усмешка поселилась на лице короля.

Сперва ритуалу подвергли малышей. Помню только, как

гладила трясущимися руками по волосам каждого из них, в то время как вереница Леди и Лордов, приближенных к королю, продвигалась с нежеланием терпеть на лицах. Им то что – подойти и протянуть ладонь, и уйти с осознанием власти над ребенком, не достигшим даже осознанного возраста. «Кровная связь» привязывала одного человека к другому, создавая нерушимую нить подавления. То есть каждый из нас умрет в тот самый момент, когда умрет его «хозяин» – это гарантировало новой власти подчинение со стороны возможных приверженцев старой короне, ведь теперь мы были заложниками без возможности сбежать или поднять бунт. Подавляющий мог убить подавляемого в любой момент, обосновав это попыткой к бегству.

Цепи защелкнулись, замки были повешены, а пленникам слова не давали.

Я была одной из последних – детей уводили в детскую в порядке очереди, чему я была бесконечно рада, потому как я и еще одна Леди, что стояли перед королем и его советником, были последними. В зале не было никого кроме нас четверых и это однозначно пугало сильнее смерти и ожидающихся пыток.

Потому что... всех дам, что перешагнули возраст восемнадцати лет, ждал брак со своим связующим. Очевидно, мы двое были самыми везучими из всех – кто-то из нас станет парой королю. И если бы мне дали выбор в этот момент, то я остановила бы его на Лорде Рикерте – разбойнике и нече-

стивце с редкими рыжими волосами и обожженным от очередной попойки лицом, чем на поистине красивом, но жестоком Эдельвейсе.

– Леди Диасция, – мужчина поднялся с трона, вальяжно прошествовал в мою сторону и остановился напротив замершей в испуге меня, – я дал вам время подумать.

На его лице сверкнула усмешка, от которой захотелось залезть на дыбу и проделать все манипуляции самостоятельно. Меня передернуло.

– Я даю вам второй шанс и задаю вопрос снова: вам известно местонахождение второго принца? – на меня пристально смотрели синие льдистые глаза беспощадного тирана.

Я вскинула голову, натянула на лицо ставшую почти родной милую улыбку и ответила, осознавая, что меня казнят через минуту:

– Нет, Ваше Величество.

Глаза мужчины опасно сверкнули, заставив меня отступить на шаг назад, но смерти или даже удара не последовало. Зато удивительным образом мое желание исполнилось.

– Лорд Рикерт, можете приступать, – огласил свое решение король.

Я и Леди Диана, стоящая рядом, не смогли сдержать облегченный вздох. Мы обе были рады, что король выбрал не меня. Я слышала, как скрипнули зубы мужчины, не обернувшегося в ответ на наше фривольное поведение.

Сперва ухмыляющийся маг подошел ко мне, схватил и больно сжал ладонь, порвав на моей кисти рукав до локтя. И только пройдясь сальным взглядом по бледному лицу, прижал к коже печать. Я почувствовала только небольшую щекотку, что позабавило меня даже сильнее, чем возможность умереть через пару недель, когда надоем Лорду-секретарю. Разве может передача жизни другому человеку быть щекотной?

– Можете идти, Леди Диасция, – король вновь опустился на свой трон, – вас ждут дети.

Я поклонилась, пытаюсь сдержать рвущийся наружу крик – ладонь пекло так, что на глаза накатывал темный туман.

Стоило мне выйти из зала, как я взглянула на руку, где небольшая печать «Кровной связи» светлела на глазах, не оставляя после себя даже шрама.

А на самой ладони полыхал черный герб Бэтинхилл – рода прошлого короля.

На следующий день отгремели, если можно было так сказать, свадьбы старших девушек. Король позволил перенести только две – свою с поистине счастливой от этого Леди Дианой и мою с Лордом Рикертом. На самом деле вся эта церемония была лишь номинальной, потому как печать значила намного больше, чем обыкновенная бумага с королевским гербом.

Проблема и основное волнение для меня были в другом

– у детей, с которыми я теперь находилась и ночью, печать с рук не исчезла, в отличие от моей. К счастью метка, оставленная на моей ладони принцем, тоже испарилась, возможно служа пассивной защитой, или же просто сгорев от одноразового применения.

Так как охрану нам не предоставили, так же, как и смотрителя или наблюдающего, а в нашей комнате всегда были краски – я решила не третировать судьбу и нарисовала метку себе сама, высушив и закрепив ее магией. Это было рискованно, однако ходить без печать было в два раза страшнее и опаснее.

Я старалась держаться бодрее и не думать о том, что произошло вчера – если я впаду в отчаяние или слезы, дети подцепят мой настрой, и все будет гораздо хуже. А значит у меня нет права думать о будущем и вспоминать прошлое, я оставалась в жестоком настоящем, несущем мне только горечь.

Из этого дня я могла вспомнить только белоснежное искрящееся россыпью бисера свадебное платье, с вздымающейся от каждого моего шага пышной юбкой – мой муж не был скрягой. Или же просто желал показать публике, что женится не на простой девушке, а на той, кто посмела отказать самому кронпринцу, отдав предпочтение детям аристократии. Мне казалось странным такое «выделение» меня из основной массы невест.

Однако я шла к алтарю под руку с королем – моего отца не было в живых со вчерашнего дня, и я могла только смотреть

сквозь неплотную фату на вздымающуюся юбку. Не кричать слова смерти своему врагу, тянущему меня вперед. Не пытаться вытащить из корсажа припрятанный кинжал отца. А шагать с выученной улыбкой и считать шаги до конца.

Раз – я поднимаюсь на эшафот. Меня встречает похабная кривая улыбка жениха.

Два – я сижу с прямой спиной за широким столом по правую руку своего мужа. Теперь мужа. Рядом с ним – во главе восседает тот, кого я ненавижу больше жизни.

Три – меня ведут в мою новую опочивальню. По «счастливой» случайности ближайшую к королевским покоем.

Четыре – в мою комнату входит король.

– Этот щенок берет на себя слишком много! – прорычал нетрезвый, а потому совершенно не сдержанный Эдельвейс.

Мужчина стукнул кулаком по кровати и взбешенно сузил глаза.

– Ему девятнадцать, а не сорок! Он даже меч в руке не научился держать! Какая с него война?! – он взглянул на меня и мгновенно успокоился, преобразовав гнев в более спокойные чувства, – уже хочешь чтобы я ушел?

Он оглядел меня пьяной смесью мольбы и неприятия моего отказа. Говорить «нет» я и не стала:

– Ее величество сегодня сказала мне, что скучает по вам. Она престала есть и очень сильно отошала за последний... год.

На самом деле с ней случилось это за последние десять лет, но именно сейчас она решила указать мне на это посредством крика и слез. Прошлые годы она использовала скандалы и, как следствие, почти всегда была проигнорирована его величеством.

– Плевать... – мужчина поднялся с постели и, только надев брюки, продолжил, – я надеялся, что она «соскучится и отощает» окончательно быстрее, чем она делает это сейчас.

Он накинул рубашку на обнаженные плечи и приблизился ко мне, успев застегнуть только нижние пуговицы. Властная рука нежно коснулась моей щеки, но, не добившись отклика, пальцы схватили подбородок и повернули голову в нужную королю сторону. Он так и замер: находясь в пяти сантиметрах от моего лица и пристально смотря в мои глаза. Все, что могла чувствовать я сейчас, это запах паров алкоголя и мускус мужского тела, сравнимый для меня только с резким запахом дыма от костра или же сперттого морозного воздуха зимой.

Я его ненавидела.

– Как обычно холодный взгляд, – мужчина коснулся моих губ своими, так же не отводя взгляда пронзительно-голубых глаз, – что мне сделать, чтобы ты посмотрела на меня так же, как я на тебя? Диа...

Его рука вновь скользнула вверх по щеке, очертив скулы и остановившись у виска.

– Ничего, Ваше Величество, – я увидела, как сверкнули

яростью его глаза, а рука опала вниз.

Мужчина выпрямил спину, застегнул рубашку до самого горла и набросил на плечи мундир, предварительно сняв его с кресла, на котором сидела я.

– Передай Диане, что она может спрыгнуть с башни Скитальца, если ее страдания слишком мучительны, – с ухмылкой сказал он.

Я смогла лишь кивнуть ему в ответ. И подняться на ноги, оправив складки на длинной прозрачной юбке сорочки.

Ежедневный ритуал, не терпящий неподчинения с моей стороны – стоит мне забыть или же пойти вразрез, как тяжелая рука короля оставит очередные следы на моем лице. Забавно, но бил он исключительно по самому видному месту, будто нарочно показывая другим, что я не «особенная» фаворитка, а такая же безвольная марионетка в руках жестокого мужлана. Та, кто наперекор всем несменяемо оставалась подле его величества на протяжении десяти лет.

Я подошла ближе, подняла руки на уровень его лица и уместила ладони на его щеках. Затем шел обязательный поцелуй в губы, длящийся не менее тридцати секунд и те же манипуляции в обратном порядке.

Я лишь могла предположить, что детские страхи и травмы короля давали о себе знать во взрослом сознательном возрасте – он был помешан на таких ритуалах, проводимых при личной встрече и прощании.

Я их ненавидела.

Эдельвейс приготовил прохладный взгляд для аристократии и слуг, кивнул мне и вышел из моей спальни, плотно закрыв за собой дверь. Я же выдохнула, сегодня не было ни заунывных разговоров, излияний души, шумной попойки или же допроса с пристрастием. Сегодня была относительно спокойная ночь без происшествий или скандалов.

В дверь постучали, в комнату поспешно вошла служанка, которая молча пошла в ванную набирать и нагревать мне воду.

Даже слуги уже привыкли к этой статичности и невероятной зацикленности моей жизни. В королевском дворце не менялось ничего с того самого дня – все так же шушукались по углам остроносые леди, называемые королем «крысками», по коридорам неизменно проходили отпускающие грязные шутки солдаты в таких же мерзких чумазных ботинках и серых подавляющих личность мундирах с черными эполетами. По обыкновению, раздавалась визгливая истерика Королевы на все крыло, хотя она была единственной даже не «крыской», а «мышкой», которая страдала больше, чем все мы здесь, объединённые ненавистью к одному человеку.

Она была той, кто родила ему двоих прекрасных малышей, любила его больше самой себя, но неизменно получала презрение в ответ. Я же желала, чтобы мы двое поменялись местами – в моем сердце теплилась надежда проснуться в одно солнечное утро и быть забытой его величеством.

Однако ни наличие детей королевы, ни ее любовь не мог-

ли оттянуть внимание Короля от не способной иметь детей, ненавистной всеми, кроме детей меня. Добивало также и то, что милая и улыбчивая первое время Диана с легкостью отдала своих детей мне, игнорируя приказ и угрозы Эдельвейса. Так я стала мамой девятилетнего мальчика и двухмесячной девочки. Это спасло меня, ведь король был строг и непреклонен, а должность воспитателя, занимающая большую часть моего времени, не могла ему понравиться. А так у меня появился смысл жить дальше. Одновременно с обретением королем двух точек давления на меня.

Малыш Дан был моим якорем долгих девять лет, пока королева не узнала, что ждет второе дитя, которое, в отличие от первого, отдала мне лично в день родов, отказавшись даже стать ему кормилицей.

Я не могла судить ее за это – каждый имеет свое мнение и чувства, обосновывающие его поступки. Моим жгущим сердце ярмом всегда была холодность к Эдельвейсу, всеми силами пытающегося навязать мне хоть частицу своих эмоций и чувств. И, возможно, «справедливые» боги нашего мира накажут меня на том свете за это, раз не наказали того, кто убил пугающее количество людей.

Я зашла в ванную и спустилась по ступеням в фурако, встроенную в пол, и замерла в прохладной воде. Таковой она была именно для меня – я видела крохотные осколки льда на поверхности. Наиболее странным моментом в моей жизни оставался не факт принадлежности королю, не безэмоци-

ональность и даже не то, что я не чувствовала боль, холод, жару, некоторые прикосновения и все, что было связано с физическим контактом с кожей. Нет, это было даже не так необыкновенно, по сравнению с печатью, которую оставил младший принц, что появлялась на руке, стоит кому-либо сделать что-нибудь, что будет мне неприятно. Потому что... я не изменялась. Годы, прожитые с момента, когда я отпустила принца, должны были отпечататься на лице и теле хоть как-то, однако, подходя к зеркалу, день за днем я видела в нем юную девушку, едва перешагнувшую совершеннолетие, но не тридцатилетнюю женщину.

Очевидно, печать прошлой династии несла в себе колоссальную силу и помогла мне выжить во дворце, однако, чем я заслужила такое? Тем, что открыла проход и помогла бежать? Так сделал бы кто угодно. Я лишь поступила, как велела мне моя совесть.

Это был последний бал перед нападением Эдельвейса. По какой-то необъяснимой причине я совершенно его не запомнила, этой ночью я ясно увидела яркие огни светильников-шаров, украшающих бальный зал, и будто перенеслась в прошлое.

В тот день матушка заставила меня надеть фиалковое платье с неприемлемо глубоким декольте, которое я постоянно прикрывала фатиновой накидкой. Мама называла это охотой на жениха или же правильным вложением в будущее. Я же

играла заученную роль перед аристократией и стояла рядом с принцами, радуясь тому, что оба они были младше меня и женихами стать никак не могли.

– Диля, – на меня взглянули ясные карие глаза Касьяна Мэттилдур, принца Оттинкильского, – пойдем спать.

Я было улыбнулась, но была перебита строгим наследника:

– Ян, я же говорил, что ты не можешь так обращаться к Леди! Это не прилично!

Десятилетний мальчик хитро улыбнулся и назло старшему брату взял меня за руку.

– Ты так каждый раз говоришь, – рука мальчика сжала мою.

– Сейчас точно не стоит так делать! – прошипел пятнадцатилетний юноша, – на нас же все смотрят! Леди Диасция, будьте с ним строже, иначе он совсем разбалуется!

Я закусила губу и улыбнулась, зная, что наша мнимая перепалка на самом деле даже таковой не является.

– Как скажете, ваше Высочество, – я даже склонила голову в знак почтения и важности момента.

Но руку младшего принца не отпустила, ко всему прочему этого не потребовалось – наследник лишь махнул на нас рукой и обернул взгляд на зал с танцующими парами. Среди них мелькала и сиреневая юбка мамы, мило улыбающейся отцу, зеленая модная в этом сезоне принцессы и одиозно-красная молодой королевы.

– Ты вообще не должен здесь присутствовать, – продолжил свое любимое дело, а именно ворчание, старший принц, – ты еще слишком мал, чтобы находиться на балу!

Ян довольно задрал нос, радуясь тому, что смог выпросить разрешение стоять со мной здесь.

– За меня Диля попросила, – похвастался он.

Слева раздалось недовольное фырканье, граничащее с завистью, отчего младший принц нахмурил брови и шагнул вперед, спустившись с небольшого подиума. Не отпуская руку и повернув ко мне голову, он улыбнулся и сказал:

– Хочешь посмотреть, как я научился танцевать?

В его глазах читалась небывалая радость и детская непосредственность, которая должна была исчезнуть через год или два. Эти мгновения уже были одними из последних в нашем общении – король собирался нанять мальчику «взрослого» учителя. Бал был знаковым для Яна и прощальным для меня. Потому как в этом возрасте детей, которым нужна была няня и воспитатель, становились серьезными учениками и считались взрослыми Лордами.

У меня щемило сердце. Плакать я не стала только потому, что не хотела портить момент первого ощущения взрослости для принца.

Разница в росте у нас была разительная – Касьян выглядел младше своих ровесников и был на удивление щуплым и низким. Возможно именно по этой причине я не желала с ним расставаться. Или же причиной тому было то, что

он был первым ребенком, которого я «выпускала»? Так или иначе, но из-за разницы в росте в танце ему приходилось держать руки немного поднятыми, а мне делать шаги меньше и быстрее, чем это следовало бы.

Но это был самый яркий момент моей юности, который я вспомнила только сейчас – в мрачном и опостылевшем до судорог *сейчас*.

Королева стояла поодаль в кучке своих «фрейлин-крысок» и косилась на меня. Короля еще не было, потому танцевать никто не смел. Очередной фетиш его величества, даже оркестру запрещено играть, пока мы вдвоем не выйдем в середину.

И вот король заходит в зал, подходит ко мне и берет мою холодную руку своей. Танцевать я не любила никогда, из-за чего отказывала всем, кто приглашал меня раньше. Исключением стал милый младший принц, с которым мы должны были перестать видеться, и Эдельвейс, отказ перед которым послужил бы поводом для агрессии. А я старалась избегать этого – раны от его ударов заживали долго, будто оставаясь памятниками моего непослушания.

Легкое па, пируэт, остановка и поклон. И новый круг мучений по пустому залу среди завистливых и просто злых взглядов придворной аристократии – за десять лет его величество собрал вокруг себя целый табор лжецов, хитрецов и казнокрадов, ненавидимых и гонимых предыдущей династией.

Только претерпев глобальные изменения, Оттинкиль наконец осознал, что строгий и в какой-то мере жестокий король Мэттилдур был хорошим и справедливым правителем. Но право выбора нам никто не давал, да и прошлый правитель теперь мертв. Единственной надеждой угнетенного народа стал возникший словно ясный луч предрассветного солнца Касьян Мэттилдур, сумевший спастись тогда и выросший талантливым полководцем и уже половину года отвоевывающий территории *своего* королевства. Я была рада близкому освобождению, если можно так назвать близкую смерть: или от меча война принца, или от печати, работоспособность которой изучить я так и не смогла – Эдельвейс просто не подпускал моего «мужа» ко мне ближе, чем на два метра. А как единственную любовницу захватчика меня должны пустить в расход сразу же после жены и двух наследников короля. Я была согласна пойти на меч грудью сама, лишь бы спасти двух безвинных детей, которые были моими детьми в большей степени, чем отцовыми и материнскими.

– Щенок осадил Белон! – громко произнес король, не обращая внимания на тихие вскрики толпы, мимо которой мы проплывали, – я уже чувствую его дыхание затылком!

Пограничная для столичной области смотровая башня Белон находилась в семи днях пути от королевского дворца. Тот факт, что принц находится настолько близко к нам, говорил лишь о том, что вскоре наши головы будут украшать пики дворцовой стены. Надеюсь, моя не будет висеть рядом

с эдельвейсовой.

Бежать для его величества было признаком трусости и глупости. Как и отпустить в бегство кого-либо из аристократии и семьи – на мой малодушный вопрос об отправке детей и королевы за границы, я была одарена очередным всплеском гнева. Что ж, магию у меня никто не сможет забрать, а потому проверенные ходы подземелья помогут вывести *моих* детей из этого кошмара. Не в момент осады, так в момент нападения или смены власти.

– Сунься он сюда, и я снесу с его лица эту мерзкую улыбку! – громкая ругань на весь зал.

Раньше он говорил не «сюда», а «в мою страну». Прошло каких-то жалких полгода, а результат уже достоин великих завоевателей, описанных в старинных манускриптах и новых книгах истории. Младший принц вырос в воинственного мужчину. Более всего Эдельвейса бесило именно то, что «выпустила птенца на волю» я. Я видела страх и злость в его глазах, но не могла сдержать рвущуюся радость в груди – солнце уже почти взошло на утреннее ясное небо. Жаль, полюбоваться им в зените я смогу только из тюремной камеры. Или не смогу вовсе.

– Он все еще остается мальчишкой с коротким мечом в руках! – продолжил мужчина.

Мне бы хотелось поспорить насчет длины меча, но я могла лишь давить на лице мерзкую милую улыбку и держать короля за руку, пока он ведет меня из зала, не желая задер-

живаться в компании «крысок».

Небо озарило новое солнце – ночную тишину взорвал огненный знак разрыва пространства, а над дворцом разлилось красное зарево разгорающегося пожара. Я стояла у окна своей спальни, к счастью или же к печали виды которой выходили на прилегающий к замку парк, откуда решил начать свое возвращение домой принц.

Я сидела на обитом бархатом пуфе с кривыми ножками и держала на руках мирно спящую дочь, периодически покачивая ее из стороны в сторону. В кресле рядом сидел хмурый десятилетний сын, а мои холодеющие руки, трясущиеся с каждой секундой все сильнее, не остались незамеченными им.

– Я смогу защитить вас с Дили, – он сжал руками тупой кинжал, который подарил ему Эдельвейс на прошлые именины.

Бесполезная игрушка, затупленная под моим личным контролем, лишь бы мальчик не отрезал себе и другим чего жизненно важного. Сейчас я даже жалела, что так поступила – благоразумность и паникерская черта характера меня погубит.

Но боялась я не по этой причине, а потому, что наш непробиваемо храбрый король, править которому осталось от нескольких минут до часа, заблокировал лично для нас троих все выходы из замка. Ходы не откроются еще несколь-

ко часов, а значит бежать мы не сможем – нас ждёт смерть.

Единственным, на что я была способна сейчас – это сидеть, наблюдать за восхитительно прекрасным заревом за окном и проклинать того, кого ненавидела больше всего на свете.

Дверь открылась неожиданно, мы с сыном вздрогнули, но я смогла сдержать отчаянный вздох – на пороге моей комнаты стоял Эдельвейс и... истекал кровью. Мне было глубоко плевать на то, кто его ранил, насколько сильно ему больно и умрет ли он вообще. Я очень давно желала его смерти.

Дан выпрямил спину, сверкнул глазами, расслабился, не обнаружив врагов, и промолчал. Отца он не любил. Как и все в этом замке.

Король, которого видимо почти свергли, вошел, закрыл за собой дверь и хромая направился к окну. К моему счастью не нашему, а к тому, что находилось напротив кровати. Он шел даже не морщась от боли, лишь крылья острого носа раздувались с удвоенной силой, выдавая чувства и ощущения мужчины. Он почти упал на край кровати, но смог опуститься на пол рядом и, наконец, тихо выругаться, зажав ладонью рану под ребрами.

– Выродок, чтоб его! – донеслось с пола.

Я легонько взмахнула указательным пальцем и направила магию на капли что оставил после себя мужчина.

– Вас не тронут, – заверил меня бледный Эдельвейс, на лбу которого стали заметны крупные бисеринки пота, – этот

ублюдок дал приказ не трогать женщин и детей! Благородная мразь!

Я смогла лишь кивнуть и сдержать облегченный вздох. Пускай эти слова и не были гарантией нашей жизни и относительной свободы, но я конечно же желала думать о хорошем. По крайней мере в отношении детей.

– Ты рада? – на меня взглянули блеклые голубые глаза скорого мертвеца.

Я опешила.

– Чему я должна радоваться? – ответила вопросом на вопрос.

Он усмехнулся и стер пот со лба окровавленной рукой, оставив красную неприятную полосу.

– Как же... – он ядовито сузил глаза, – ты ненавидела меня всегда. С самой первой нашей встречи на паперти, помнишь?

Я нахмурилась и попыталась вспомнить хоть что-то, но голову занимали кардинально другие мысли.

– Конечно ты не помнишь, – вновь усмешка, – тебе было не больше четырнадцати, и ты бежала во дворец со стаей дворовых мальчишек, вечно не оставляющих тебя одну!

В его словах была доля горечи и тех чувств, что он держал в себе все это время. Я могла осознать их наличие, однако понять и почувствовать что-то подобное мне было не дано.

– Ты всегда была ледяной, – подтвердил мои слова мужчина, – это я и любил.

Признание далось ему легко, словно... он уже похоронил

себя.

– Но знаешь, о чем я жалел все эти долгих десять лет? – продолжил свой невыносимый монолог он, – ты мне соврала тогда. В тронном зале, когда я смотрел на тебя в кучке облезлых крысят и не мог оторвать глаз. Ты сказала, что принц не обучался в твоей группе, в то время, как я знал, что именно ты спасла его. Я был настолько зол, но решил дать тебе второй шанс. И я спросил еще раз, – он усмехнулся, – ты была напугана и осознавала, что я все знаю, но... ты упорно защищала того ублюдка, что теперь убьет меня так же, как это сделал я с его семьей! Я был взбешён и отдал тебя этому старому извращенцу! – он сплюнул кровью и продолжил, – но даже представить не мог, что ты принадлежишь ему, и пришел к тебе сам.

Над головой повисла гнетущая тишина, лишь малышка на руках сладко посапывала, не слыша тех громких слов, что произнес ее отец.

– Я жалею лишь о том, что ты не стала моей женой, – подытожил он, – умири я гнев в то мгновение и может ты бы смогла полюбить меня.

Я отвернула голову к окну, радуясь, что последние слова он говорил под шум шагов людей нового короля. Дверь открылась, на пороге возник мужчина, закованный в черные матовые латы, а над замком прозвучал горн, после которого почти сразу раздался магически усиленный голос, приказывающий оставаться в комнатах и ждать последующих указа-

ний.

Малышка всхлипнула, сын не смог сдержать испуга и побежал ко мне, сев на кушетку рядом.

– Леди Аюга, – напротив меня стоял воин и кланялся так, будто я была не просто аристократкой, а самой королевой, – я могу забрать вашего эм... гостя?

Сквозь забрало не было видно глаз, потому определить возраст я не могла. Как и не могла понять, откуда мужчина может знать имя рода, которое я не носила уже десять лет.

– Я могу ответить за себя сам, – бывший король тяжело поднялся на ноги, – я пойду.

Из его живота уже хлестала темная жидкая кровь, заживающая рану ладонь уже не спасала. До меня донесся смешок из-под шлема, воин быстро подошел к мужчине и схватил того за руку. После чего выволок улыбающегося Эдельвейса из комнаты и закрыл дверь.

Я успела увидеть только немигающий взгляд мертвого короля, направленный в мои глаза.

Следующая ночь прошла в страхе перед дальнейшей судьбой. Однако теперь я могла быть рядом со своими детьми, Эдельвейс запрещал им находиться в моей комнате ночью. Он считал, что они могут заменить его. Жаль, он так и не смог понять, что я была настолько холодна только к нему – человеку, который убил моего отца, оправдывая это тем, что тот сдался ему лично, чтобы спасти меня. Возможно так оно

и было – мне были неизвестны мотивы папы, да и времени с тех пор прошло достаточно, однако это не могло оправдать ни жестокости, ни кровопролития, ни захвата власти.

Возможно я была предвзята, но наш новый глава был другим. По крайней мере трон под ним не кровоточил, а головы аристократии не полетели с плеч в первые часы властвования. Пускай нас и заперли в комнатах, но к нам приходили слуги, приносили еду и интересовались нашим состоянием и потребностями – нас контролировали, но не измывались.

С утра я совершила свой ежедневный туалет, проследила за тем, как позавтракали дети, и радостно открыла доступный для перехода туннель за ширмой. В этот момент я думала только о том, какой из выходов лучше использовать, чтобы добраться до транспортной лавки в городе, потому изначально и не обратила внимание на горящие магические светильники и удивительную для этого места чистоту. Осознала всю тщетность моей задумки я только в тот момент, когда увидела впереди белый, а не желтый свет, однако не свернула обратно, потому что если закрыть ход с внутренней стороны, то выйти в комнату не получится – сработает механизм затвора, открыть который возможно только ключом. Такого у меня не имелось. Помнится, в детстве мне пришлось топтать до ближайшего к замку выхода, а оттуда возвращаться через главные ворота.

То, что меня ждали, я поняла, когда над нами тремя нависла длинная тень. И почему я не додумалась оставить де-

тей в комнате и сходить в разведку одной?

– Разочарование, осознание собственной глупости, но злость? – донесся до меня веселый, но задумчивый мужской голос, – на кого ты злишься, Диля?

Я замерла на месте, отчего сын ткнулся мне в спину, и резко развернулась обратно, почти побежав по коридору. Потому что я понимала, кто мог назвать меня «Диля». Он был единственным, кто так меня называл, и если во времена, когда он был маленьким, это звучало забавно, то сейчас я ощущала себя... странно. Сзади слышались уверенные, приглушенные землей шаги.

– Трусишка, – донеслось насмешливое.

Да как он так быстро ходит? Я даже убежать от него не в силах!

Я остановилась, осознавая насколько глупо себя веду. Но что странно, развернуться сейчас я не смогла бы даже будь ему десять, а не двадцать.

– Так на кого ты злилась, Диля? – насмешливо произнес мужчина, подойдя сзади ближе, чем на два метра, приличествующие по этикету.

Дан уже всю разглядывал знакомого для меня незнакомца, в то время как я не могла повернуть головы и поклониться, что следовало бы сделать еще в первый раз. Однако я уже опозорилась, попытавшись сбежать от него, пасть ниже было нельзя.

– На себя, Ваше Величество, – тихо ответила я.

И услышала веселый «хмык». За секунду, во время которой мне становилось душно, холодно, невыносимо тяжело и невыносимо апатично, Лорд обогнул нас троих, не прикоснувшись даже полами плаща, и пошел дальше по туннелю. Я смогла видеть только удаляющуюся широкую спину, затянутую в черную простую рубашку, и статный торс – за десять лет он стал выше меня почти на голову.

– К моей нескончаемой радости я приказал завалить все выходы из замка, так что пройти с их помощью вы не сможете, – произнес он, не оборачиваясь.

Чему я была рада и огорчена одновременно.

– Пойдем, я открою вам проход, – пообещал он.

Доверять ему или нет разницы не было – я в любом случае оказалась в положении, где выход был только один, потому пошла за новым королем вперед.

Шли мы недолго. Оказалось, мужчина помнил эти ходы лучше меня, а потому срезал путь почти на половину. Когда мы оказались у небольшой плиты моей спальни, он вынул из кармана брюк ключ, приложил его к плите, отчего по той прошла рябь, и она отъехала в сторону. Лорд же сделал шаг в комнату, оглядел ее, видимо на наличие недоброжелателей, и вернулся обратно в тоннель.

Сын весело заскочил в помещение, а я осталась стоять и смотреть на замершего в пол-оборота мужчину. Я видела задумчивую слегка наклоненную набок голову, темные стоящие торчком волосы и ясный взгляд карих глаз. Не скажу,

что он сильно изменился внешне, однако я видела напротив себя именно мужчину. Взрослого, с подергивающимися уголками рта и невероятным завораживающим взглядом мужчину.

– Ты обещала писать мне, Дия, – усмехнулся он.

«Как бы я узнала адрес?» – хотелось сказать мне. Но в нижнем ящике секретера под тяжелой доской и кипой бумаг лежала стопка запаянных восковой печатью писем «Моему другу Яну».

Я сделала несколько шагов, прошла мимо него, положила спящую малышку на кровать, благо она не сильно вошкалась – рядом был ее брат, и подошла к секретеру. Дальнейшие события пролетели будто во сне, из-за чего давалось все из рук вон плохо.

– Скажу, чтобы принесли сюда кроватку, – произнес король, наблюдая за тем, как по полу разлетаются листы обычной белой бумаги, которые я умудрилась уронить.

А все потому, что я чувствовала, как в груди разливается тепло, пускай от обещания, но в нём я могла различить его заботу. Тепло! Я чувствовала что-то по отношению к мужчине! Да я за все десять лет не могла даже представить себе подобное! Только к детям.

Я судорожно схватила рукой пачку, развернулась и улыбнулась ему со всей радостью, на которую была способна моя ледяная душа. После чего подошла ближе, остановившись на расстоянии двух метров от него, и протянула письма. Он не

взял, более того, меня проигнорировали, пройдя мимо.

– Ты разве не помогаешь маме? – спросил король у моего сына, отчего сердце забилося в несколько раз быстрее, – тебе не о чем переживать, – он повернулся и взглянул мне в глаза.

– Помогаю, – ответил мой храбрый малыш.

После чего подошел к присевшему на корточки королю и начал помогать тому собирать оброненные мной листы бумаги. Не знаю, от чего у меня было такое непонимания – от того, что действующий король вот так просто и спокойно решил собрать мои бумаги с пола, или от того, что мой немного вредный и избалованный сын приобщился к этому делу. На фоне мелькала мысль, что обернулся мужчина только после того, как сказал про мои чувства, но очевидно для моего шокированного сознания и этого было слишком много, потому я ее проигнорировала.

Я, будто находясь во сне, прошла до кровати, опустилась на нее рядом с малышкой и, не выпуская писем из рук, начала наблюдать за Лордом. Очевидно, теперь он не был тем самым мальчиком, который с невероятной радостью вел меня в середину бального зала. Однако шаг с письмами и отношение к сыну своего врага было очень характерно для мягкого, но любящего шагать против ветра Яна.

Листы были собраны, сын получил моральное удовлетворение и, кажется, новый идеал для подражания, а я – стойкий и эмоциональный разрыв шаблона. Мужчина с ясными карими глазами медленно, будто боясь причинить неудобство,

приблизился к нам с малышкой, протянул мне бумаги, которые больше машинально взяла я и запоздало отреагировала на все еще протянутую мне ладонь, в которую следовало бы вложить письма, что я и сделала.

– Благодарю, – живой и искренний ответ.

Ответ, на который я даже не смогла ответить, из-за чего пришлось лишь отстраненно кивнуть и опустить пылающий смущением взгляд. А после и совсем зажмуриться, потому как в душе бушевал целый ураган эмоций, не свойственный мне уже давно. Король сделал пару шагов от меня и сунул письма в карман сюртука, улыбаясь при этом так, будто в его жизни случилось что-то, чего он очень долго ждал.

– Разве плохо что-то чувствовать? – неожиданно серьезно спросил мужчина, заставив меня открыть глаза и вскинуть вопросительный взгляд.

Он лишь пристально и ожидающе смотрел на меня, не спеша подсказывать смысл своего вопроса, но и не торопя меня на него отвечать.

– Смотря когда и с кем, – прошептала я, чувствуя, наконец, все то, что таилось в моей душе долгое время.

Мужчина по-доброму усмехнулся, заставив меня взглянуть на него с непониманием.

– Хотела бы ты чувствовать что-то со мной? – прямой вопрос, откликнувшийся в моем сердце совершенно непонятными ощущениями.

Я приоткрыла рот, пытаюсь разгадать смысл слов, отпеча-

тавшихся у меня в сознании, очевидно не так, как следовало бы.

– Я отслеживаю то, какими чувствами ты сопровождаешь мысли об этом, но мне нужен ответ, Дили, – с улыбкой произнес он, запутав меня окончательно.

Я же хотела расставить все по местам.

– Если судить по тому, что метка, оставленная вами на моей руке десять лет назад, блокировала некоторые особенности моего хм... взросления, то очевидно это была брачная метка. Однако найти какое-либо доказательство тому в книгах я не сумела, очевидно по причине того, что прошлый король уничтожил даже упоминания о прошлой... то есть нынешней династии.

Я вгляделась в его довольные моими рассуждениями глаза и расслабленно вздохнула – новая власть не желала отнимать у народа право голоса. И это было огромным плюсом в предстоящей жизни для меня и моих детей. Возможной жизни.

– Судя по вашим словам, произнесенным сейчас, я могу сказать, что вы можете отслеживать мои эмоции благодаря этой самой метке.

Я дождалась улыбчивого кивка и продолжила:

– Исходя из этого, я могу сделать следующий вывод: ваш последний вопрос направлен на личное взаимодействие. Но брачная метка не подразумевает вступление брака в силу, а значит вы предполагаете что-то подобное о чувствах. Единственное, что я могу сказать вам – я старше вас на семь лет. И

я вполне могла бы ответить вам положительно при условии, что бы вы спросили о чувствах человеческих, а не... тех, что могут быть между мужчиной и женщиной.

Тирада вышла слишком длинной, но именно подобные слова не спровоцировали бы его на гнев или чего похуже, потому что прямого «нет» не прозвучало. А это в свою очередь давало мне шанс «переобуться», если появятся хоть малейшая угроза с его стороны. Но он лишь улыбнулся мне, заставив в прямом смысле облегченно вздохнуть.

– Тебе не обязательно отвечать сейчас, – он сделал шаг к двери, но остановился, – постарайся учесть не только доводы разума, но и сердца. Иногда следует идти против морали толпы.

Он махнул рукой сыну, кивнул мне и вышел за дверь под моим хмурым взглядом.

Остальной день прошел в мыслях о том, что сегодня произошло. Пускай его слова и стали толчком для моего сознания – я старалась убедить себя в том, что моя точка зрения была правильной.

Следующие несколько недель сумбурно сохранились в моей памяти – проходили допросы всех причастных к прошлому перевороту, некоторых казнили, исключая лишь тех, кто был связан печатями с моими выпускниками и Леди, что проходили обряд вместе со мной. По этой же причине не тронули и самого Эдельвейса, который не раз передавал мне

заляпанные кровью и грязью конверты через своих шпионов, поймать которых пока не успели. И я сжигала их без раздумья, зная, что если во время следующей облавы, а она определенно должна случиться, их найдут, то паду не одна я – мои дети уйдут вслед за мной.

Касьян не устраивал кровавых терроров, что было хорошим знаком для мирных жителей и таких как я, я устала от деспотизма прошлого короля, которого, словно яркое солнышко, затмил новый. В течении следующих пяти-шести недель государство прошло глубокую реформацию, для народа сравнимую с ливнем после сезона засухи. Не знаю, можно ли было считать такие вещи частью возложенного на мои плечи воспитания, но я как никогда была горда тем, каким честным, добрым и хорошим человеком он вырос.

Проблемой оставалась печать на моей руке, которая теперь не просто сияла рядом с мужчиной, а покалывала словно мелкими иголочками, вызывая что-то сродни неосознанной радости в душе и вспышке негодования в сердце – мне хотелось бежать от своих чувств, пускай и провоцируемых брачной печатью.

На второй серьезный разговор вышел вновь он, пригласив меня на танец на балу в честь коронации. Я могла лишь хлопать глазами и пытаться абстрагироваться от толпы аристократии, прожигающей меня взглядом зависти и презрения, кто если не я могла стать козлом отпущения в этой ситуации? Та, кто сперва «увивалась» за одним королем, а после

переворота смогла перестроиться быстрее других охотниц за властью. В прошлый раз удержаться на плаву позволила холодящая сердце печат, однако сейчас мне была недоступно подобное, а потому чувствовала я себя гадко. К моему удивлению спасал ситуацию Ян – он улыбался мне самой лучезарной из всех улыбок, не отвечать ему тем же я физически была не способна.

– Вы чувствуете мои эмоции? – спросила я, когда мы шли к постаменту с троном.

На самом деле по правилам приличия мне нельзя было подниматься вместе с королем, однако перечить ему я не могла. Возможно, лорд не был строг или придирчив так, как этим страдал Эдельвейс, но именно прошлый опыт общения с мужчиной давал о себе знать – я боялась сделать что-то неправильно и получить за это наказание.

– Не только чувствую, – стало мне ответом, только уже с серьезным лицом, – но и могу контролировать.

Я неосознанно нахмурилась и открыла было рот, как мужчина решил пояснить мне сам:

– Я могу сделать так, что ты не будешь чувствовать вообще ничего, в то время как я буду.

Я замерла на месте, неожиданно поняв, о чем он говорит.

– Я...я... – я зажмурила глаза, пытаюсь забрать руку у остановившегося из-за меня короля.

Отпускать меня никто не стал, очевидно ощущая, что я этого совершенно не желаю – мне была необходима поддерж-

ка. Я устала справляться со всем одна, хотя именно сейчас я смогла понять, что таковой я никогда не была. А все потому, что десятилетний мальчик чувствовал и ограничивал мою боль, ужас и безысходность в момент первой и последующих ночей с Эдельвейсом!

– Ты мог закрыться от меня, – я открыла глаза и посмотрела в карие глаза кисло улыбающегося мне мужчины.

На самом деле я била наугад, в попытке узнать делал ли он это добровольно. Возможно, я и была холодной, но подобные вещи проигнорировать не смогла бы, даже если бы хотела.

– Мог, – заставил тяжело вздохнуть меня он, – я бросил тебя, Диля. И я пытался сделать хоть что-нибудь.

Меня передернуло.

– Вы не виноваты, – вновь перешла на «вы» я, – вы не были должны делать этого.

Он усмехнулся.

– Я люблю тебя, Диля, – с улыбкой и сощуренными глазами произнес он, – все это время любил. Более того – мне было глубоко плевать на Оттинкиль. Я смирился со смертью родителей и брата, но не смог смириться с тем, что ты осталась здесь, даже спустя десять лет.

Я сжала его руку своей, поджала губы и сказала то, что думала обо всем этом ранее.

– Вы были ребенком, Ваше Величество. Дети привыкли идеализировать своих учителей – вы же делали это все годы, что я занималась вашим воспитанием.

Очередная усмешка, только теперь сопровождаемая снисходительным взглядом.

– Я понимаю тебя, Дилия, – он отпустил мою руку, сделал несколько шагов к постаменту и, поднявшись на него, сел на трон, – потому предлагаю поступить так: я сниму с нас двоих печати.

Я почему-то нахмурилась, чувствуя, что совершенно этого не желаю, но я *обязана* сделать это. Хотя бы по моральным соображениям.

– В течение полугода, – он по-доброму мне улыбнулся, – а может даже года ты и я обдумываем и выносим вердикт касательно этой ситуации.

Я кивнула в то же мгновение, потому как этот способ он, очевидно, нашел уже давно – он казался самым рациональным, даже с точки зрения потерь с обеих сторон. Мужчина подозвал меня рукой, я боязливо приблизилась туда, где меня быть не должно, а после, на глазах у сгорающей в муках интереса толпы вложила в его протянутую руку свою похолодевшую ладонь. Легкое жжение, потемневший взгляд карих глаз и... свобода. Та самая, которая в данном контексте стала ненавистной. Я поклонилась мужчине, сошла с постамента и вышла из зала, рванув по коридору так, как мы делали это раньше.

Сейчас моя душа рвалась на куски, мечась между человеческой нормой вперемешку с моралью и накатившими чувствами.

Я осознавала, что это была не любовь.

По крайней мере таковой она не была еще месяц, капля по капле заполняя огромную дыру в моем сердце – ему хватило месяца чтобы размеренно и не торопя позволить понять самой, что никакой игры или притворства между нами быть не может, и меня любят без печатей, вопреки разнице в возрасте, моему «падению» и пучку противоречий, витающих в голове.

Месяц начался с невероятной по мощи магии нового короля, с помощью которой он снял «Кровную связь», будто бы даже не напрягаясь. Я, естественно, как мнимый участник, присутствовала на этой по-настоящему радостной церемонии, а потому могла лицезреть всю основную шайку предателей и лжецов во главе с Эдельвейсом, не сводящим пристального взгляда с меня и собственных детей. Первоначально я не желала пускать сына с собой, однако он настолько сильно привязался к Касьяну, что согласился сопровождать меня. Что показалось мне странным, так это поведение сына в момент весьма болезненного сведения печатей, при которой даже его кровный отец не мог сдержать шипения – малыш не отводил взгляда с нового короля и приосанивался, стараясь выглядеть так же как он. В прошлом к Эдельвейсу он испытывал только страх, и я замечала это, даже понимая, что подобные чувства не должны существовать между ними. Да только как можно воспитать любовь или привязанность?

На казнь нас не пустили, но через народ и слуг, что при-

сутствовали там, я узнала то, о чем знать не желала: когда бывшему королю дали последнее слово, он сказал, смотря в глаза Яну «Я буду просить дьявола, чтобы она умерла вслед за мной».

«Даже тогда вы не встретитесь» – ответ короля.

За казнями последовала длительная череда бегств освободившихся от влияния вдов с детьми из дворца – подальше от короны и возможного навязывания браков. Облавы закончились моментально, потому как новый статус Оттинкиля, а именно Империя, не преследовал гонений или жесткой однопартийности власти. Народ смог вдохнуть полной грудью. Наконец у нас появился новый король, который навел порядок.

Но даже, не смотря на повсеместную занятость, он находил время для меня и детей, пусть его забота и крылась в мелочах, но мое «ледяное» сердце уже успело не просто оттаять, а зажечься. Теперь на вопрос «Может ли гореть лед?» я могла ответить уверенное «Да, и гореть ровно, не шипя и не плаваясь».

Ровно через месяц и три дня после его слов на балу я постучала в дверь его спальни. Через час на руке горела активная брачная метка, через неделю на голову легла корона, а через полгода под сердцем горел огонек новой жизни.

Так день, когда мы встретились вновь, стал одним из самых счастливых в моей судьбе.